

Александр Александрович Львов

Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат философских наук, и. о. заведующего кафедрой истории философии, Санкт-Петербург, Россия
e-mail: a.lvov@spbu.ru

Дегуманизация истории как антителеологический проект

Аннотация. Характерный для модерна способ рассмотрения истории, мира, природы как бы с точки зрения человека можно преодолеть не за счет отмены идеологий, а посредством смены используемого эпохой модерна языка. Идея культурной эволюции позволяет переосмыслить историю человечества как историю человека, т. е. вида *homo sapiens sapiens*, и вписать ее в единый эволюционный процесс: космическая эволюция — биологическая эволюция — культурная эволюция. Такая постановка вопроса возвращает исследователей из полностью спекулятивной области социального проектирования метанарративов в область изучения действительного и необходимого, каким оно дано в укрупненном масштабе всеобщего эволюционного процесса.

Ключевые слова: гуманитарные науки, историзм, исторический релятивизм, телеология, культурная эволюция.

Благодарности. Работа выполнена при поддержке РНФ (проект 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук»).

Alexander A. Lvov

Saint Petersburg State University, Candidate of Philosophical Sciences, Acting Head of the Department of History of Philosophy, Saint Petersburg, Russia
e-mail: a.lvov@spbu.ru

Dehumanization of History as an Antiteleological Project

Abstract. The typical for the Modern Age way of considering history, the world, nature, as from a human point of view, can be overcome not by the abolition of ideology, but by changing the language the Modern Age uses. The idea of cultural evolution allows us to reconsider the history of mankind as the history of human being, i. e. species *homo sapiens sapiens*, and fit it into the evolutionary process: cosmic evolution — biological evolution — cultural evolution. This formulation of the issue returns researchers from a completely speculative field of social design of metanarratives to the field of studying of the real and necessary, as it is given on an enlarged scale of the universal evolutionary process.

Keywords: humanities, historicism, historical relativism, teleology, cultural evolution.

Acknowledgements. The research was supported by the Russian Academy of Sciences (project 21-18-00174 “Historicism as a Paradigm of the Humanities”).

Введение (Introduction)

Критика новоевропейского проекта, вылившаяся в интеллектуальное движение постмодерна, оказала существенное влияние на гуманитарную науку конца XX в. Однако по-прежнему мы едва ли можем сказать, что живем действительно в ситуации постмодерна: любое событие оказывается по своему характеру, если не по природе, глобальным; многие регионы мира ведут активную политику по восстановлению своей славной истории, былого величия, тем самым актуализируя старые метанарративы; созданное человеком глобальное виртуальное пространство стало (вопреки своему названию) необходимой параллельной реальностью, гораздо более подчас актуальной, нежели физический мир. Примеры можно множить и множить, но очевидно одно: человек отражается

во всём, что связано с этим миром, он не утратил статуса смыслообразующего стержня, вокруг которого вращается продуманная с помощью науки и прирученная благодаря технике вселенная.

Такой способ рассмотрения истории, мира, природы, как бы с точки зрения человека, мы предлагаем называть *антропо-логичностью* и понимаем ее как характеристическое свойство новоевропейской идеологии. Нам важно обратить внимание на именно *логическую* составляющую, поскольку новоевропейский человек, ставший полноправным субъектом глобального мира, по-прежнему воспринимает свою собственную природу как отражение окружающей его природы и, следовательно, как всемирный шифр, который может быть прочитан и проинтерпретирован. Несмотря на многие попытки его деконструкции, такой субъект

по-прежнему считает смыслы истории и природы как единую идеологию. Под идеологией мы здесь условимся понимать не сугубо политическую программу действий или предписаний, но смыслообразующее символическое пространство, особый язык эпохи. Преодоление модерна возможно не за счет отмены идеологий, а за счет смены того языка, на котором эпоха модерна осмысленно говорит. Исследование и анализ этого смыслового пространства и позволили бы нам приблизиться к сущностным основаниям, а в пределе — к обнаружению структуры, лежащей в основе новоевропейского идеологического проекта.

Методы (Methods)

Мы предлагаем деконструировать новоевропейский проект как последовательно разворачивающуюся систему сформулированных Х. Л. Борхесом сюжетов мировой литературы. Как известно, Борхес выделял следующие сюжеты: война (как вариант — осада города); возвращение героя; поиск; самоубийство бога [1]. Структура новоевропейского проекта может быть представлена через указанные нарративные инварианты, а потому их анализ позволит нам, с одной стороны, исследовать границы современной антропо-логичной идеологии, а с другой — выявить условия ее преодоления. Таким образом, мы пользуемся в нашей работе герменевтическим методом, аналитическим методом, а также методом концептуального обобщения.

Литературный обзор (Literature Review)

Сформулированная нами задача по выявлению объективной структуры нарратива, которая не зависела бы ни от культурной специфики, ни от искусства автора того или иного произведения, близка структуралистскому подходу. Исследователи этого направления видели своей методологической целью представление исчерпывающего перечня сюжетов, нарративов, концептов, которые сознательно или бессознательно эксплуатируются в разнообразных (кон)текстах мировой культуры. На этом поприще успешно выступили лингвисты, антропологи и литературоведы [2; 3; 4; 5], реальные достижения которых позволили показать конструктивный характер мировой культуры, а также вскрыть принципиальные связи сюжетов различных культур друг с другом. Следуя методологии структурного анализа, мы сосредоточимся на выявлении таких подспудных, но необходимых отношений, которые характерны для идеологии современности.

Идеология в данном случае понимается как практико-ориентированный язык, создающий и обуславливающий иллюкутивные и перлюкутивные эффекты в своем словопотреблении. В этом понимании идеологии нам близки идеи К. Скиннера [6], который принадлежит к группе исследователей, объединяемых обычно под рубрикой «Кембриджской школы» изучения политических языков. Х. Э. Бёдекер, рассматривая работу Скиннера в связи с историей дисциплины *historische Kulturwissenschaft* (что условно можно перевести как «историческая культурология»), дает следующую характеристику их метода: «...представители “Кембриджской школы” исходят из посылки о лингвистическом устройстве политического. Хотя ее сторонники

и не проводят четких различий между “языком” (language) и “дискурсом” (discourse), тем не менее они соглашаются с интерпретацией языка и/или дискурса как комплексной структуры с собственной лексикой, грамматикой и риторикой, а также как совокупности обычаев и условностей, взятых в их синхронии» [7, с. 12]. В этом смысле идеология становится не «ложным сознанием господствующего класса», как определял ее К. Маркс, но неперенным семантическим фоном, на котором всякое осмысленное высказывание приобретает смысл действия или побуждения.

Локутивный (лингвистический) анализ, предлагаемый «Кембриджской школой», не является, однако, конечным этапом анализа идеологии. То, что сказывается, в большой степени зависит от того, кем оно сказывается, но и само сказанное формирует как субъекта высказывания, так и его реципиента. Следовательно, можно говорить и о логическом, т. е. структурном, аспекте анализа идеологии. Один из примеров тому — прояснение Л. Альтюссером идеи К. Маркса о субъекте истории: по Альтюссеру, таковым является сам исторический процесс, что обнаруживает телеологическую суть всякой исторической и политической структуры [8, с. 112–113]. Представленная в ответе инверсия самого вопроса позволяет вскрыть то, что можно охарактеризовать как специфику новоевропейского гуманитарного дискурса — его антропологическую составляющую, о которой в связи с работами молодого Маркса писали К. Н. Любутин и А. А. Коряковцев [9].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Изучение смыслов, переданных в тех или иных исторических текстах, позволяет нам приблизиться к идеологии как смыслообразующему фону, благодаря которому эти тексты реализуют свои семантические и лингвистические функции. Можно ли прочесть саму идеологию как текст? С одной стороны, она должна быть метатекстуальна, поскольку обуславливает смыслы и функции самих текстов, но, с другой стороны, это не означает, что сами смыслообразующие элементы конкретных идеологий нельзя представить в качестве текстов. Идеологии имеют свойство отличаться, и то, чем они отличаются друг от друга, становится тогда предметом логического исследования. Целью такого исследования, как мы и заявили, стало обнаружение принципиальных отношений, лежащих в основании конкретной идеологической структуры. Приблизиться к этим отношениям можно, анализируя составляющие идеологических структур как нарративы.

Как уже было сказано, идеологии могут быть связаны не только с политическими проектами; в известном смысле политические проекты суть следствия из сложившихся идеологий. Новоевропейский проект также можно назвать идеологией, а характеристическим свойством его тогда выступает *антропо-логичность* (дефис в данном случае позволяет подчеркнуть логическую, т. е. нарративную, составляющую идеологии). Для выявления его структуры воспользуемся герменевтической практикой чтения и интерпретации заложенных в этом проекте нарративов, которые, как было показано Х. Л. Борхесом, могут быть сведены к четырем архетипическим сюжетам.

Сущность новоевропейского проекта представляет и обуславливается совокупностью следующих четырех больших элементов:

1. **Сюжет войны** в современности выделяет человека, изымает его из природы и противопоставляет его в качестве эпистемологического субъекта объективному миру вещей. Такое противопоставление оборачивается, как показал Б. Латур, заключением конвенции между порядком природы и порядком общества, а регуляции этой конвенции возлагаются отныне на «конституцию», обуславливающую определенные гарантии: «Власть природы... предоставляет нам следующее важное право: не люди создают природу, природа существовала всегда, с самого начала мироздания, и мы только раскрываем ее тайны. Политическая власть, которую определяют преемники Гоббса, возражая последователям Бойля, заставляет граждан говорить одним голосом посредством перевода/предательства суверена, который говорит только то, что говорят они. Эта власть предлагает нам столь же существенную гарантию: люди и только люди конституируют общество и решают свободно свою судьбу» [10, с. 95]. Таким образом, выстраивается симметрия в диспозиции сил природных и политических.

2. **Сюжет о возвращении героя** реализуется в том, что человек мыслится единственным актором истории и никакого иного деятеля, кроме человека, в истории нет. Помимо сказанного выше в связи с политической философией Т. Гоббса, именно новоевропейские историки впервые формулируют идею о гетерогенности целей человека, позволяющей говорить об осмысленном существовании любого человеческого сообщества безотносительно места и времени его существования. Человек ставил себе задачи и реализует их в истории, а значит, он (через анализ своих поступков) может быть понят именно как субъект истории. Такой несколько антропологический подход к философии истории был предложен Дж. Вико в его работе «Новая наука» [11, с. 64]; но что более важно в эпистемологическом отношении, так это то, что такой подход позволяет сформировать особую область знания о человеке (*Geisteswissenschaften*, или гуманитарная наука), в которой как метод применяется понимание (*das Verständnis*), а не знание (*das Wissen*) [12, с. 198]. Следовательно, понятию в таком ключе историю можно рассматривать как дисциплину о коллективном созидании человека или науку о филогенезе духа. Примечательно, что эпистемологическую оппозицию истории как онтогенеза духа может в этом смысле составить психоанализ: Х. Блюменберг обращает внимание на близость эвристического метода Дж. Вико и З. Фрейда об общественном договоре, лежащем в основании их рассуждений о первобытном обществе (правда, с той разницей, что у Вико это был контракт отцов против сыновей, а у Фрейда — сыновей друг с другом) [13, с. 155–156].

3. **Сюжет о поиске** очевидным образом может быть истолкован в ключе обоснования универсального исследовательского метода — задачей, открывающей новоевропейскую науку и философию. Проект математического естествознания как эффективной науки позволил познавать и — в перспективе — прогнозировать ход природы и истории. Открытия, которые новоевропейская наука предлагает публике, укладывается в развитую П. Бурдьё концепцию легитимации нового, заключающуюся в том, что «сторонники новых практик и теорий смогли завоевать доверие сообществ,

которым они служили, установить прочные и постоянные связи с представителями этих сообществ, используя *понятные им термины* и сублимируя свой собственный эгоизм нарождающегося класса в обещание реализовать проект, не связанный с чьими-то узкими интересами» [14, с. 262] (курсив наш. — А. Л.). Из процитированного отрывка видно, что наука (а точнее, ансамбль наук) помимо собственно методологической функции также выполняла функцию идеологическую, формируя адекватный новой картине мира язык.

4. **Сюжет самоубийства бога** связан с переходом человека из состояния обусловленности природой и историей в состояние чистой актуальности, когда любые его свойства и качества перестают иметь эссенциальный характер, становятся технологической задачей социальной инженерии. В предельном случае приходится говорить о состоянии «человека без свойств», который, говоря словами Дж. Агамбена, «теряется в линейном времени истории» [15, с. 149]. Опциональность таких базовых для традиционного общества категорий, как пол, язык, раса, образ жизни и модель поведения человека, его вероисповедание или ценности, не говоря уже о современных репродуктивных и геронтологических исследованиях, отрывают человека от его тела *alsob*, оно было *лишь* носителем его бессмертного сознания, — все эти проявления вида *homo sapiens sapiens* свидетельствуют о неизбывном его стремлении к преодолению своей природной составляющей в пользу составляющей ментальной, культурной. Таким образом, человечество в целом перестает мыслиться субстанциально и приобретает в качестве своего онтологического свойства процессуальность, что, как показал в своем исследовании ветхозаветной традиции Э. Фромм, является божественным атрибутом, воспринятым впоследствии в рамках иудейского (а также христианского) учения об истории [16, с. 223–231].

Итак, если говорить о том, какова структура, лежащая в основе новоевропейской идеологии, то это отношение усугубления оппозиции потенциального, возможного, и актуального, действительного, решение которой достигается в проекте опциональности субъекта и его принципиальной субстанциализации. Последнее означает: субъект есть субстанция (*causa sui*), но не в «неподвижном» эссенциальном смысле, а в смысле «динамического» процесса. Заметим, что определяют такую идеологию следующие семантические единицы: история, человек как субъект, природа как объективное, научный метод, (человеческая) культура.

Выявленные концептуальные основания современной антропо-логической идеологии позволяют сформулировать антитеологическое видение истории. В этом отношении важно заметить: современные авторы, критикующие сложившийся в основном в рамках классической философии и науки субъектный подход к истории, вовсе не отказываются от любых идеологических форм. Напротив, они охотно творят иную, не- (или даже де-) антропо-логическую идеологию. Примерами тому могут выступать, например, критика Ж.-М. Шеффером тезиса о человеческой исключительности [17] или проект контристория философии как критики сложившегося платоновского «идецентризма» М. Онфре [18, с. 19–20]. Однако эти авторы и авторы сходных критических

взглядов, скорее, смещают акценты в уже сложившемся идеологическом поле, не предлагая радикального пересмотра самих границ этого поля как дискурсивного пространства. А между тем именно такие проекты, по-видимому, имеют шанс обеспечить подлинное состояние постмодерна.

Подобный постмодернистский проект, как следует из сказанного выше, должен взять масштаб больший, чем человек в его собственной человеческой истории; отказаться от классического противопоставления человека как субъекта объективному миру природы и тем самым снять картезианский субъект-объектный дуализм; отказаться от конструктивистского подхода к рассмотрению и природы, и истории; переосмыслить концепт культуры как неотъемлемой способности по самоорганизации живого в его длительности и жизнедеятельности. Сформулированный таким образом критический проект может быть обоснован при помощи обращения к идее культурной эволюции. Пионером этой области выступил один из отцов-основателей синтетической теории эволюции Ф. Г. Добржанский, в своих работах провозгласивший принцип: «Ничто в биологии не имеет смысла, кроме как в свете эволюции» [19]. Сегодня целый ряд ученых, прежде всего биологов, антропологов, культурологов и историков, склонны рассматривать историю человечества как важнейший, но тем не менее один из этапов в общей истории становления живого на Земле, а всё многообразие культурных, цивилизационных и иных форм — как проявление адаптивных механизмов к конкретным эволюционным вызовам [20, р. 92]. В связи с этим возникают интересные проекты по сближению микро- и макроэволюционных уровней в рассмотрении человеческой культуры в рамках эволюционного процесса: в частности, исследова-

тели полагают, что эволюционные модели, взятые из популяционной экологии, могут прояснить то, как происходила историческая динамика возникновения и падения империй [21, с. 222].

Заключение (Conclusion)

Концептуально идея культурной эволюции позволяет переосмыслить историю человечества как историю человека, т. е. вида *homo sapiens sapiens*, и вписать ее в единый эволюционный процесс: космическая эволюция — биологическая эволюция — культурная эволюция. Такая постановка вопроса уже *sub specie aeternitatis* возвращает исследователей из полностью спекулятивной области социального проектирования и построения метанарративов, допустимых и в известном смысле необходимых в дискурсивной практике современной идеологии, в область изучения действительного и необходимого. Тем самым отказ от сугубо человеческой оптики позволяет философам вновь обратиться от собственно потенциального к актуальному, поскольку всякие привычные для релятивистского взгляда определения (расы, нации, традиции и проч.) снимаются.

Таким образом понятая история выводит человека на качественный уровень одного из объектов исследования безо всякой оглядки на его субъектный статус. Отметим и важное методологическое завоевание такого взгляда: человек перестает быть лишь функцией — эпистемологической, эстетической, политической или какой бы то ни было еще — себя, он насыщается неотчуждаемыми от него эволюционными определениями. Остается понять: *лишается* ли человек субъектности вследствие дегуманизации истории или же *освобождается* от нее?

Библиографический список

1. Борхес Х. Л. Четыре цикла // Соч. : в 3 т. Рига : Полярис, 1994. Т. 2. С. 259–261.
2. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. М. : АСТ : Астрель, 2011. 541 с.
3. Benveniste É. Le Vocabulaire des Institutions Indo-européennes. Paris : Les Éditions de Minuit, 1969. 2 t. 380 p.
4. Semantical and Lexical Universals. Theory and Empirical Findings / eds.: C. Goddard, A. Wierzbicka. Amsterdam ; Philadelphia : Kohn Benjamins Publishing Company, 1994. 510 p.
5. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
6. Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / сост.: Т. Атнашев, М. Велижев. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 53–122.
7. Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 5–17.
8. Альтюссер Л. Ленин и философия / пер. с фр. Н. Кулиш. М. : Ад Маргинем, 2005. 175 с.
9. Любутин К. Н., Коряковцев А. А. Рукописи К. Маркса // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года и другие ранние философские работы. М. : Академический Проект, 2010. С. 742–773.
10. Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
11. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. с англ. Ю. А. Асеева. М. : Наука, 1980. 486 с.
12. Берлин И. Джамбатиста Вико и история культуры // Берлин И. Философия свободы. Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2001. С. 186–205.
13. Цилл Р. «Субструктуры мышления»: границы и перспективы истории метафор по Хансу Блюменбергу // История понятий, история дискурса, история менталитета / под ред. Х. Э. Бёдекера. М. : Новое литературное обозрение, 2010. С. 155–188.
14. Дмитриев И. С. Остров концентрированного счастья. Судьба Фрэнсиса Бэкона. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 632 с.
15. Агамбен Дж. Человек без содержания / пер. с итал. С. Ермакова. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 160 с.

16. Фромм Э. Вы будете как Боги / пер. с англ. А. Александровой. М. : АСТ, 2013. 413 с.
17. Шеффер Ж.-М. Конец человеческой исключительности / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
18. Львов А. А. Идеал философии как строгой науки в дискуссиях историков философии // Вестн. Рус. христиан. гуманитар. академии. 2021. Т. 22, № 4–1. С. 11–23.
19. Dobzhansky Th. Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution // *The American Biology Teacher*. 1973. Vol. 35 (3). P. 125–129.
20. Smail D. L. *On Deep History and the Brain*. Berkely ; Los Angeles ; London : University of California Press, 2008. 271 p.
21. Месуди А. Культурная эволюция: Как теория Дарвина может пролить свет на человеческую культуру и объединить социальные науки / пер. с англ. О. Собчука и А. Шели. М. : Дело, 2019. 284 с.

References

- Agamben G. (2018) [*L'uomo Senza Contenuto*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 160 p. (in Russian)
- Althusser L. (2005) [*Lénine et la Philosophie*]. Moscow, Ad Marginem Publ., 175 p. (in Russian)
- Bedeker Kh. Eh. (2010) Otrazhenie istoricheskoi semantiki v istoricheskoi kul'turologii [The Reflection of Historical Semantics in Cultural Studies]*, *Boedeker Kh. Eh. (ed.) Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta [The History of Concepts, the History of Discourse, the History of Mentalities]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 5–17. (in Russian)
- Benveniste É. (1969) *Le Vocabulaire des Institutions Indo-européennes*. Paris, Les Éditions de Minuit Publ., 2 t. (in French)
- Berlin I. (2001) Dzhambatista Viko i istoriya kul'tury [Giambattista Vico and the History of Culture]*, *Filosofiya svobody. Evropa [The Philosophy of Freedom. Europe]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 186–205. (in Russian)
- Borkhes Kh. L. (1994) Chetyre tsikla [The Four Stories], *Collected Works*. Riga, Polyaris Publ., vol. 2, pp. 259–261. (in Russian)
- Collingwood R. G. (1980) [*The Idea of History. An Autobiography*]. Moscow, Nauka Publ., 486 p. (in Russian)
- Dmitriev I. S. (2022) *Ostrov kontsentririvannogo schast'ya. Sud'ba Frehnsisa Behkona [The Island of Concentrated Happiness. Francis Bacon's Fate]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 632 p. (in Russian)
- Dobzhansky Th. (1973) Nothing in Biology Makes Sense Except in the Light of Evolution, *The American Biology Teacher*, vol. 35 (3), pp. 125–129. (in English)
- Fromm Eh. (2013) [*You Shall Be As Gods*]. Moscow, AST Publ., 413 p. (in Russian)
- Goddart C., Wierzbicka A. (eds.) (1994) *Semantical and Lexical Universals. Theory and Empirical Findings*. Amsterdam, Philadelphia, Kohn Benjamins Publishing Company, 510 p. (in English)
- Latour B. (2006) [*Nous N'avons Jamais été Modernes. Essai D'anthropologie Symétrique*]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., 240 p. (in Russian)
- Levi-Strauss C. (2011) [*Anthropologie Structurale*]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 541 p. (in Russian)
- L'vov A. A. (2021) Ideal filosofii kak strogoi nauki v diskussiyakh istorikov filosofii [The Ideal of Philosophy as a Strict Science in the Debates of the Historians of Philosophy], *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii [Bulletin of Russian Christian Humanitarian Academy]**, vol. 22, no. 4–1, pp. 11–23. (in Russian)
- Lyubutin K. N., Koryakovtsev A. A. (2010) Rukopisi Karla Marksa [Karl Marx's Manuscripts]*, *Marx K. Ekonomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 goda i drugie rannie filosofskie raboty [Economic-Philosophical Manuscripts of 1844 and Other Early Philosophical Works]**. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., pp. 742–773. (in Russian)
- Mesudi A. (2019) [*Cultural Evolution: How Darwinian Theory Can Explain Human Culture and Synthesize the Social Sciences*]. Moscow, Delo Publ., 284 p. (in Russian)
- Schaeffer J.-M. (2010) [*La Fin de L'exception Humaine*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 392 p. (in Russian)
- Skinner K. (2018) Znachenie i ponimanie v istorii idei [Meaning and Understanding in the History of Ideas]*, *Atnashev T., Velizhev M. (eds.) Kembrizhskaya shkola: teoriya i praktika intellektual'noi istorii [The Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 53–122. (in Russian)
- Smail D. L. (2008) *On Deep History and the Brain*. Berkely, Los Angeles, London, University of California Press, 271 p. (in English)
- Stepanov Yu. S. (1997) *Konstanty. Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya [The Constants. The Dictionary of Russian Culture. An Essay]**. Moscow, Shkola "Yazyki russkoi kul'tury" Publ., 824 p. (in Russian)
- Tsill R. (2010) "Substrukturny myshleniya": granitsy i perspektivy istorii metafor po Khansu Blyumenbergu ["The Substructures of Thinking": The Borders and Perspectives of the History of Metaphors According to Hans Blumenberg]*, *Bedeker Kh. Eh. (ed.) Istoriya ponyatii, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta [The History of Concepts, the History of Discourse, the History of Mentalities]**. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 155–188. (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.